

Вильгельм Телль (Дорошевич)

Мы с беатенбергским пастором, вдвоём, сидели на Амисбюле и пили молоко.

У нас, в горах, было ещё светло, а в долинах уже наступил вечер. Интерлакен глубоко, внизу, мигал тысячами огоньков, — словно тысячи светляков собрались и держали совет. Розовая Юнгфрау мертвела и одевалась в белый глазет.

Был тот час, когда душа человека расположена к размышлениям и мечте.

Словно карнавал, звеня огромными звонками, медленно и величественно возвращалось стадо палевых эментальских коров.

— И подумать, — тихо сказал я, — что эти люди, которые только и думают, как бы разбавить молоко водой, — потомки тех, кто, как львы, дрались и умирали за свободу. Быть может, фрейлейн, которая только что плеснула нам тёплой воды в парное молоко, — пра-пра-правнучка самого Вильгельма Телля! Вильгельм Телль! Как актёра, мы знаем его только в героической роли. Среди эффектных декораций. При рёве бури, зигзагах молний, раскатах грома на бушующем Фирвальдштетерском озере. Суровым стрелком, целящим в яблоко на голове родного сына. Прячущимся в диком ущелье, пускающим стрелу в деспота Гесслера. А за кулисами? Как он жил потом? Как умер? Что с ним случилось?

— Предания сохранили нам все подробности дальнейшей жизни Вильгельма!
— отвечал пастор. — И старинные летописи их подтверждают.

— Да?

— Да. Стрелок кончил довольно печально. Вначале это был ряд непрерывных оваций. Вильгельма Телля встречали везде не иначе, как с колокольным звоном и при оглушительных криках «hoch[2]». Женщины целовали ему руки, дети пели «иодели», девушки украшали его венками из альпенроз и эдельвейсов, мужчины носили на руках. Ему не приходилось совсем ходить пешком. Его так и носили от деревни до деревни на руках. Так что стрелок даже сильно потолстел и ожирел. Свобода была достигнута! Но мало-помалу начинало рождаться недовольство. Первыми стали роптать шляпных дел мастера.

— Конечно, при желании про всякого человека можно наговорить много дурного. Но Гесслер был всё-таки хороший заказчик. Не только сам носил

хорошие шляпы, но даже надевал их на палки. Это могло не нравиться некоторым свободолюбивым господам в скверных шляпенках, — но мы, по крайней мере, имели заказы, работу, кусок хлеба сами и давали кусок хлеба рабочим. Конечно, где же там думать о каких-то рабочих господину Вильгельму Теллю. Его дело по горам ходить, орлов стрелять, а не работать! Он в жизнь свою палец о палец не ударил. Откуда же ему знать душу рабочего человека? Что ему простой, рабочий народ? Тьфу!

За цехом шляпочников пошёл цех перчаточников, седельников, оружейников.

— Поздравляем со свободой!

— С голодом точно так же!

— Были бароны, — носили перчатки.

— Бароны заказывали отличные сёдла для себя, для свиты!

— Бароны любили хорошее оружие! Бароны ценили! Бароны платили!

За хозяевами пошли рабочие, оставшиеся без работы.

Вильгельма Телля обвиняли в отсутствии патриотизма.

— Патриоты так не поступают. Истинный патриот заботится, чтобы торговля, промышленность процветали в его отечестве. Истинный патриот думает о трудовой массе! Да! А не гонит от неё благодетелей, которыми она живёт, которые дают ей заказы, работу, хлеб! Так может поступать только враг народа!

Вильгельму Теллю приходилось опасаться выходить вечером из дома.

Безработные обещались сломать рёбра «господину стрелку».

— Вечером-то, брат, в цель не постреляешь!

Недовольство ширилось и росло.

Кто-то задал вопрос:

— В чём же, собственно, подвиг-то Вильгельма Телля?

И все, в один голос, ответили:

— Да ни в чём!

— В том, что он не поклонился шляпе Гесслера?

— Глупо!

— Позвольте, господа, это надо разобрать! Недостаточно ещё кричать: «Гесслер был тиран!» Что он сделал? Повесил шляпу на кол и приказал, чтобы ей все кланялись! Кажется, требование небольшое! И не исполнить даже такого пустячного требования! Я не скажу, конечно, чтобы требование было особенно умно. Но швейцарский народ всегда был рассудителен. От меня требуют, чтобы я кланялся шляпе... Извольте!.. Если это вам может доставить удовольствие... Беды от этого никому никакой не будет... Я не стану из-за таких пустяков поднимать истории... Я поклонюсь. Вы кланялись, Иоганн?

— Разумеется, кланялся. Потом дома мы всегда по этому поводу много смеялись над Гесслером.

— И мы дома смеялись!

— И мы!

— И я кланялся!

— И я!

— Слава богу! Не гвоздями шляпа к голове прибита, чтоб неприятности наживать и для себя, и для других!

— Что ж, выходит, все мы негодяи? Хуже Вильгельма Телля, что кланялись? И я негодяй, и ты, Иоганн, и ты, Готфрид, и ты, Карл, — все выходим дрянью? Один Вильгельм Телль хорош?

Все горожане, кланявшиеся шляпе наместника, чувствовали себя оскорблёнными поступком Вильгельма Телля.

— Он не Гесслеру, — он нам причинил унижение.

— Какой выискался! Один благородный человек во всей стране!

— Выскочка!

— Зазнавшийся хам!

Юристы заметили:

— И к тому же, позвольте! Это был закон! Законно изданный! Законною властью! Можно любить свободу, кто против этого говорит. Но раз закон существует, — его нужно, прежде всего, уважать.

— Вот, вот!

— Свободный человек чтит закон!

— Именно!

— И тот, кто их нарушает, — враг общества, государства, народа, порядка, самой свободы. Преступник! Изменник!

— Хуже!

Некоторые практичные люди пробовали возражать:

— Будем судить по результатам. Однако, из этого родилась швейцарская свобода!

Но ещё более практичные люди возражали им:

— Да, разумеется, хорошо, что это так кончилось. Нам удалось победить. А если бы кончилось иначе? Как же так? Из-за какого-то вздора, из-за глупого самолюбия подвергать опасности всю страну, весь народ!

И все решили:

— Поступок Вильгельма Телля, прежде всего, антипатриотичен! Не национален! Это поступок не швейцарский! Швейцарский народ всегда отличался кротостью, послушанием, повиновением законам. Так мог поступить выродок швейцарского народа! Это — позор страны!

Кто-то пустил даже слово:

— Провокация.

Которое в те времена произносилось как-то иначе.

— Что же, как не провокация? Вильгельм Телль был просто втайне на жалованье у Гесслера. Иначе как же объяснить, что Гесслер его не повесил немедленно, как повесил бы, несомненно, всякого другого? Как объяснить всю эту «комедию с яблоком».

— И потом этот побег!

— Побег очень подозрителен!

В конце концов решили, что о Вильгельме Телле просто говорить не стоит:

— Авантюрист, который не останавливается ни перед чем: ни перед бедствиями страны, ни перед головой собственного сына даже!

Самые мирные граждане, никогда не державшие в руках арбалета и боявшиеся стрелы, даже когда она лежит в колчане, кричали теперь:

— Он трус, ваш Вильгельм Телль! Трус — и больше ничего!

И объясняли:

— Хочешь убить Гесслера? Отлично! Лицом к лицу! Открыто! Это я понимаю! Лук в эту руку, стрелу в эту. Нацелился, натянул. В лоб и между глаз! Это я понимаю! А спрятавшись, потихоньку, откуда-то из засады! Пфуй!.. Трус, трус, — и больше ничего!

— И притом дурак! Возьмите вы самую эту пресловутую стрельбу в яблоко!

— Да и яблоко-то было, вероятно, антоновское. Крупное выбрал!

— Ну, припрятал стрелу для Гесслера на всякий случай. Ну, и молчи! Сознаться-то потом зачем же? «У меня ещё была стрела, если бы я убил сына».

— Трусы всегда сознаются!

— Хвастовство какое-то! «В случае чего, — для тебя стрелу припас!»

— Чего ж вы хотите! Трусы всегда хвастливы!

И, наконец, самые солидные люди, занимавшие теперь высшие должности в кантонах, решили, что самый разговор о Вильгельме Телле есть «оскорбление добрых нравов».

— Что сделал этот человек? Убил Гесслера. Убийство всегда убийство. И кричать: «Вильгельм Телль! Вильгельм Телль!» — не есть ли это восхваление преступления?

Дамы считали неприличным, если при них произносили это имя.

— Позвольте! Он был арестован, этот господин?

— Был.

— Бежал?

— Бежал.

— Ну, значит, он беглый арестант, и больше ничего. И, извините, я о беглых арестантах говорить в своей гостиной не позволю!

Священники по воскресеньям произносили проповеди против Вильгельма Телля.

— Какой добрый отец, — восклицал священник, — какой добрый отец рискнёт, для спасения своей жизни, жизнью своего ребёнка, своего мальчика, своего единственного дитяти?!

И с удовольствием слушал ропот повергнутых в ужас прихожан:

— Ни один... ни один...

— Где он, этот изверг? Найдётся ли среди вас хоть один?! Пусть выйдет! Чтоб все видели его!

И с удовольствием видел, что никто не выходил.

— Не пожертвует ли, наоборот, всякий добрый отец своею кровью, своей собственной жизнью за свою кровь и плоть, за своего ребёнка?!

— Пожертвует! Пожертвует! Всякий пожертвует!

— И что же, возлюбленные чада мои? Прославляется, бесстыдно носится на руках, бессмысленно украшается чистыми, как горный снег, эдельвейсами — кто? Отец жестоковыйный, чудовище без сердца и души, зверь, стрелявший в яблоко на голове своего невинного малютки!

Рыдания женщин и сдержанный ропот негодования мужчин прерывали проповедника.

И все выходили из церкви с христианской мыслью:

— Негодяй!

Авантюрист, зверь, жестокий отец, выродец, трус, враг народа, — Вильгельм Телль должен был жить в ледниках, на вершинах гор.

Внизу, в долинах, его ждал плохой народный приём.

— Попадись только, продажная душа! Этаким бесчестием покрыть всю Швейцарию!

Он сползал с гор потихоньку, только чтобы продать набитую дичь.

Есть-то ведь надо!

Вы знаете, что он был хороший стрелок. И кормился довольно сносно, охотясь и продавая горожанам дичь, — пока добрые граждане не распустили про него слух, что он продаёт мёрзлых галок за битых рябчиков.

Это окончательно отвратило от знаменитого стрелка народные симпатии.

Конец его, как я уже вам говорил, был печален.

Лишившись заработков, он завёл тир и ездил по ярмаркам.

— Тир для стрельбы Вильгельма Телля.

Он надеялся, что фирма привлечёт публику.

Но ошибся в расчёте.

Никто не шёл.

Вы понимаете! Стрелять в присутствии Вильгельма Телля! Ну, кто же решится?

Он жил недолго. Умер скоро, истощённый пережитыми волнениями, опасностями, лазаньем по горам, насмерть простуженный в ледниках.

Священник сказал над ним надгробную речь:

— Он был плохим отцом, дурным швейцарцем, заносчивым человеком, мятежником, убийцей и беглым каторжником. Но он умер и, по христианству, постараемся забыть ему и о нём.

Таков был конец Вильгельма Телля, милостивый государь.

— Ну, а его мальчик? Это чудное виденье? Этот сын Телля, с улыбкой стоящий под намеченной стрелой?

— Ну, положим, не совсем с улыбкой. Но летописи и предания сохранили нам подробные сведения и о сыне Вильгельма Телля. Надо вам сказать, что вскоре после известной истории с яблоком, мальчик подвергся смертельной опасности. Гораздо большей, чем тогда, когда он служил мишенью: Телль ведь всё-таки был великолепный стрелок! На этот раз опасность была больше. Мальчика обкормили. Вы понимаете, что мальчик Телль возбуждал общую нежность. Среди ребятишек появились даже самозванцы, лжетелли. Даже лжемальчики. Девчонки переодевались мальчиками. Они бегали в чужие деревни и просили у добрых хозяек:

— Я маленький Телль! Дайте мне яблоко!

Добрые матери семейств кормили мальчика Телля наперерыв. Плакали над ним, целовали, умилялись и пичкали лакомствами. Многих интересовало кормить Телля именно яблоками.

Мальчик сначала плакал при виде яблока. Но потом привык и стал спокойно есть не только яблоки, но и апельсины.

Мало-помалу он к этому так привык, как бароны к дани.

Если кто-нибудь ему говорил:

— Здравствуй!

Он отвечал:

— А яблоко?

Сначала его кормили просто. Без разговоров.

Потом стали находить, что такого удовольствия от Телля недостаточно.

Начали расспрашивать:

— Ну, а что ты, мальчик, чувствовал, когда стоял с яблочком на голове?

Мальчик простодушно рассказывал, как было.

Он ни за что не хотел становиться под яблоко, плакал и просил у отца прощения.

Но отец пригрозил, что его выдерет, если он сейчас не станет:

— Как следует!

И из опасения быть выданным, он рискнул быть убитым. Что хотите! Ребёнок. Больше скажу: человек!..

Все приходили в восторг:

— Какая простота!

Но мало-помалу простота надоела.

И когда маленький Телль предлагал:

— Хотите, я вам расскажу, как меня хотели сечь?

Ему отвечали:

— Слышали! Слышали!

Так шло, пока в каком-то городке сын бургеймейстера, тоже мальчик лет девяти, очень завистливый, не воскликнул однажды при рассказе Телля:

— Какая бесчувственность! Думать о какой-то порке, когда решается судьба отечества! Я, на твоём месте, думал бы, как римлянин, про которых мы теперь учим: «Стреляй, и да здравствует свободная Швейцария!»

Сын бургеймейстера вызвал общий восторг своими гражданскими чувствами.

— Лучшего бургеймейстера не нужно нашим детям!

Он съел все лакомства.

На маленького Телля никто не обратил внимания.

— Бесчувственный мальчишка!

Даже дети дразнили его:

— У-у! Бесчувственный!

Это и погубило маленького Телля.

Он начал врать.

Когда его спрашивали:

— Что ты чувствовал?..

— Когда я стоял под смертоносной стрелой со знаменитым яблоком на моей голове? Я думал: «Гуди стрела! Пронзишь ли ты яблоко или мою голову, — не всё ли мне равно! Приятно умереть за отчизну!» Я говорил глазами: «Отец, да не дрожит твоя рука, — ты видишь, как не дрожит твой сын. Учись у него любить свободу и умирать». Я был рад, что на мою голову упало роковое яблоко!

Эту речь ему сочинил за десяток яблок один писарь.

Мысли необыкновенного ребёнка возбуждали общий восторг.

Яблоки сыпались. Орехи, апельсины тоже.

— У такого малютки такие мысли! Истинный сын Телля!

Но вскоре все знали его речь так же наизусть, как он сам.

И мальчик пал ниже.

Да, милостивый государь! Он начал позорить своего отца!

Однажды, в самом разгаре рассказа, когда мальчик Телль стал в свою позу к дереву и, для впечатления, положил себе на голову яблоко, — какой-то скверный мальчишка закривлялся и закричал:

— Велика важность, ежели у тебя отец Вильгельм Телль! А ежели б у тебя папаша этакий стрелок был, как у меня! Третьего дня хотел застрелить коршуна, а подстрелил собственную корову. Вот это было бы геройство! Посмотрел бы я, чтоб от тебя осталось! Одно яблоко!

Маленький Телль нашёл, что действительно:

— Не мешает прибавить геройства.

Через несколько дней, окружённый слушателями, он неожиданно воскликнул:

— Хотите, я вам скажу истинную правду?

— Ну?

— Мой папа совсем не умеет стрелять!

— Вильгельм Телль?

— В том-то и дело, что настоящий Вильгельм Телль не он, а я!

Все задрожали от ужаса.

А мальчик куражился:

— Что ж вы думаете, — если бы он был хорошим стрелком, — Гесслер бы ему задал такую задачу? Для чего? Чтоб он попал? Чтоб его освободил? Очень это Гесслеру нужно было! Потому-то и заставил стрелять, что отец был знаменит, как плохой стрелок. В арбуз на голове сына не попадёт! Гесслер и заставил: «Стреляй! Пусть убьёт сына». А хорошего стрелка что заставлять стрелять!

Все нашли, что в словах мальчика много правдоподобия.

— Отец был в ужасе! — рассказывал мальчик. — Но я ему сказал: «Не робей! Ты знаешь мой глаз? Стреляй, как тебе угодно. Яблоко будет подставлено!» Хорошо. Стали. Тут всё зависело от меня. Гесслер заранее хохочет. Отец дрожит. Бойтся. Я прищурил вот так глаз, — вижу, взял гораздо выше. Встал на цыпочки. «Пли!» Яблока как не бывало!

«Меткий мальчик» имел колоссальный успех.

Но скоро и это все знали наизусть, и его отдали в школу.

Старый пономарь встретил «славного ученика» торжественной речью.

— Дети! — сказал он. — Вы будете иметь счастье сидеть с первым ребёнком Швейцарии! Герой, ещё не умеющий читать! Молодой Телль, — он входит с яблоком на голове в вашу среду. Да послужит он вам примером. Подражайте ему, дети!

Неосторожные слова!

Потому что, привыкший к чужим яблокам, Телль выучил детей лазить через забор и грабить чужие сады.

Когда их ловили, дети кричали:

— Учитель велел. Мы с Телля берём пример!

В науках он шёл не особенно успешно.

Когда приехало начальство производить экзамен, «гордость школы» вышел отвечать, не зная ни аза.

— Что вы знаете по географии?

— Швейцария. Фирвальдштетерское озеро, на котором мой отец, знаменитый Вильгельм Телль...

— Довольно, довольно... По истории?

— Когда наместник Гесслер обратился к знаменитому Вильгельму Теллю...

— Довольно! По арифметике?

— Яблоко. Два яблока. Три яблока. Стрела. Две стрелы. Три стрелы.

— Ради бога!.. Каковы ваши успехи по чистописанию?

Мальчик Телль отступил шаг назад, заложил палец за пуговицу и, высоко подняв голову, как будто на ней всё ещё лежало знаменитое яблоко, громко ответил:

— У нас, у Теллей, пальцы созданы для того, чтоб держать стрелы, а не перья!

Пришлось поставить ему круглое пять. Из патриотизма.

В наше время из молодого Телля, наверное бы, вышел проводник по горам. Но в то время иностранцы в Швейцарию ещё не ездили. И юноша шатался по горам просто, — бесплатно.

Истории его не знали только новорождённые дети.

Никто не хотел слушать:

— Надоели нам эти яблочные вещи!

И молодой Телль просто, без историй, брал у людей то, что ему нравилось.

Яйца, цыплят, кур. Доил чужих коров.

И когда его ловили с поличным, он же ещё стыдил:

— А? Хорош же ты патриот? Башку тебе за это проломить следует! Я для вас своей головы не жалел. Под яблоком из-за вас стоял. А вам для меня, черти поганые, курицы жаль?

Люди махали рукой и отставали.

— Действительно, он...

Он носил, — говорят летописи, — шапку с пришитым на ней яблоком.

И когда видел на дороге чужестранца, подходил, рекомендовался:

— Мальчик Телль!

И предлагал рассказать свою яблочную историю.

И так до глубокой старости.

— Один вопрос, пастор! Был он женат?

— Нет. Ни одна девушка не соглашалась выйти за него замуж. «Сын такого плохого отца, который, не умея стрелять, стрелял в своих детей, сам должен быть плохим отцом».

Он останавливал всякого встречного швейцарца одним и тем же вопросом:

— Ну, что, брат, свободны?

Швейцарец радостно улыбался:

— Свободны!

— А что, брат, хорошо быть свободным?

— Известно! Нешто плохо!

— Ни баронов!

— Какие бароны, — ежели свобода!

— Так что счастлив, доволен?

— Разумеется.

— А кому всем обязаны? Ну-ка, скажи! Кто за вас свой лоб подставлял? Кто с яблоком на голове стоял?

— Известно, ваша милость, дай вам бог доброго здоровья...

— То-то, моя милость! Присел бы тогда. И ни яблока, ничего бы не было.

— Мы это очень хорошо понимаем!

— То-то «пнимаем». Развязывай кошель-то... Это ты столько за яблоко даёшь? Ах, ты, шельма, шельма! Да хочешь, я тебе вдвое больше дам? Клади на голову яблоко, становись, я стрелять буду!..

Поневоле давали.

В конце концов он так надоел, что швейцарцы, — говорят летописи, — были не рады своей свободе.

А он ещё грозился:

— Все у меня в долгу неоплатном! Из вас это яблоко-то соком выйдет!

Тогда-то швейцарские учёные собрались, обсудили вопрос, как быть, решили, что остаётся одно, — и вынесли постановление:

«На основании новейших изысканий, считать рассказ о Вильгельме Телле мифом, а самого героя никогда не существовавшим».

Их поддержали в этом королевские учёные других стран. Так создалась легенда о легенде о Вильгельме Телле.

«Молодого Телля», — ему, впрочем, в то время было уже за пятьдесят, — немедленно арестовали и посадили в тюрьму:

— За бродяжничество и наименование себя чужим именем.

— Как отнеслась к этому страна, пастор?

— Ликование было всеобщее. Словно избавились от моровой язвы. Только потом, когда сын Вильгельма Телля умер, — нахлынули воспоминания, и пред невольно затуманившимся слезою глазом снова предстало это видение: отрок с яблоком на голове. Швейцарцы поставили над его могилой памятник:

Мы оба сидели молча, подавленные тишиной и поднявшимся снизу, из долин, мраком.

Бледная Юнгфрау казалась призраком горы на потемневшем небе, на котором загорелись уже звёзды.

— Как всё призрачно на этом свете! — тихо сказал я. — Какая странная судьба борцов за свободу...

Пастор, кажется, улыбнулся.

— Повар готовит соусы для других. Сам он их не ест. То же и в деле свободы.

Я заплатил за молоко. Мы пожали друг другу руки и разошлись.

С гор спускался туман.

Я шёл в белом густом тумане, думал о тщете всего земного и получил насморк.